

ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ

ЭПИСТЕМОЛОГИЯ ИСТОРИИ Х. УАЙТА: ТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

В.В. Агафонов

Камчатский государственный университет им. Витуса Беринга
ул. Пограничная, 4, Петропавловск-Камчатский, Россия, 683032

В статье предпринята попытка проанализировать эпистемологические основания философии исторического нарратива. Особое внимание уделяется тропологическому подходу к историческому нарративу. В центре рассмотрения находится риторика истории Х. Уайта. Автор опирается на критический анализ концепции Х. Уайта в отечественной и зарубежной научной литературе.

Заметной тенденцией в современном гуманитарном познании стало утверждение постмодернистских концепций. Постмодернизм не просто антиасциентичен, он, по меткому выражению Ф.Р. Анкерсмита, «асциентичен» [6. С. 373]. В области эпистемологии истории появление постмодернистских теорий связано с дискуссией вокруг проблемы исторического нарратива. Ф.Р. Анкерсмит делит всех представителей нарративизма на реалистов и идеалистов. С его точки зрения, реализм «рассматривает нарратив как некую картину прошлого» [7. С. 118]. Таким образом, отдавая должное риторике исторического текста, нарративный реализм не отрицает тот факт, что исторические тексты обозначают историческую реальность. Нарративный идеализм, наоборот, приходит к идее самореферентности исторического нарратива. Развитие философии исторического нарратива — это последовательное движение от нарративного реализма к нарративному идеализму.

Нарративизм оправдывает свою критику исторического знания кризисом традиционных подходов к истории. Проявлением этого кризиса, по мнению Е.Г. Трубиной, стали «исчерпанность позиции исследователя как незаинтересованного наблюдателя, а также недостаточность теории истины как корреспонденции, необходимость дополнения ее теорией истины как когеренции» [20. С. 144]. Один из видных представителей нарративизма, Ф.Р. Анкерсмит, исключает саму возможность говорить об истинности/ложности нарратива [7. С. 121].

Асциентизм постмодернизма связан с критикой научного познания в целом. Для науки «модерна», по мнению Е.Г. Трубиной, характерно: во-первых,

установка на поиск необходимостей и законов сущего, что основывалось на убеждении в некоей идентичности мышления у разных людей; во-вторых, преимущество, отдаваемое в теории познания объективно мыслящему субъекту, было сопряжено со специфическими ограничениями, налагаемыми на его коммуникативные и, в частности, риторические стратегии; в-третьих, письмо науки рассматривалось как ценностно-нейтральное; в-четвертых, «...научные тексты представляют собой воплощение некоторого рационального осмысления той или иной области реальности, изучение которой есть более или менее одинаковая для каждого человека операция, которой язык изложения материала должен максимально способствовать, будучи максимально нейтральным» [7. С. 146].

Эпистемологические основания нарративной философии истории имеют также очень много общего с радикальным конструктивизмом [9. С. 77]. Радикальный конструктивизм строит теорию научного познания без критерия объективности. Он исследует то, как разум в результате своей активности конструирует из эмпирического потока некоторый регулярный мир. В этом же смысле Ф.Р. Анкерсмит использует понятие «нарративного мира» [7. С. 278—279].

В философии исторического нарратива познание сводится к дискурсу. В силу этого, «если любому пониманию реальности предшествует формирующее влияние языка — одного из многих, неизбежна множественность исторических реальностей — языковых игр и их интерпретаций» [19. С. 80]. Таким образом мы подходим к понятию лингвистического поворота в историческом познании. Первой причиной лингвистического поворота был крах позитивистской программы. В историческом познании несостоятельность позитивизма была продемонстрирована на примере модели охватывающего закона К.Г. Гемпеля. Второй немаловажной причиной лингвистического поворота стал крах субстантивной философии истории, т.е. понимания истории как некоей сущности, живущей по своим законам. Третьей причиной стало зарождение в середине прошлого столетия постмодернизма и постструктурализма. Все это подвело представителей философии истории к необходимости «осмысления понятия нарратива в познании истории и интерпретации его как своего рода интеллектуально-литературного устройства, которым историки организуют результаты своих исследований» [12. С. 46]. Радикальный же поворот к нарративному идеализму начинается с работ Х. Уайта. Он называет то, что произошло в интеллектуальной жизни Запада в XX веке, восстанием против истории: «Континентальные европейские мыслители... высказали серьезные сомнения в ценности специфически «исторического» сознания, подчеркнули фиктивный характер исторических реконструкций и оспорили претензию истории на место среди наук» [21. С. 22]. Именно эти соображения инспирировали появление первой его работы в области риторики исторического нарратива — «Бремя истории» [5. Р. 27—51].

В традиционной историографии его не устраивает то, что со сциентизацией историки утратили связь с риторикой и литературой. По его мнению, «пока историки продолжают использовать обычные грамотные речь и письмо, их репрезентации феноменов прошлого, равно как и мысли о них, останутся «литературными» — «поэтическими» и «риторическими» — отличными от всего, что счи-

тается специфически «научным» дискурсом» [21. С. 7]. Х. Уайт вводит понятие тропологии. «Тропология — это теоретическое обоснование вымышленного дискурса, всех способов, какими различные типы фигур (метафора, метонимия, синекдоха и ирония) создают типы образов и связи между ними, способные служить знаками реальности, которую можно лишь вообразить, а не воспринять непосредственно» [21. С. 8]. Чисто логический, научный анализ конкретного исторического дискурса обречен на неудачу из-за того, что, выявляя способы организации текста, он бессилён объяснить причину того, что при всех неточностях и даже ошибках исторический дискурс сохраняет смысл. Поэтика для него — это «постоянный вид использования языка, с помощью которого объект исследования преобразуется в предмет дискурса» [21. С. 20].

Комбинация «логико-дедуктивных и трополого-фигуративных компонентов», по мнению Х. Уайта, располагает историческую науку на определенном «среднем поле» между литературой и наукой [21. С. 8]. Х. Уайт поднимает проблему разграничения события и факта. Факты являются следствиями фигуративного воображения и не существуют за пределами дискурса. По сути, он повторяет тезис Р. Барта, что «факт обладает лишь языковым существованием... это единственный дискурс, где референт рассматривается как внешний по отношению к дискурсу, хотя достигнуть его невозможно помимо этого дискурса» [8. С. 438—439].

События требуют описания и характеристики как элементы нарративной структуры. Но в этом случае мы неизбежно выделяем определенные события в качестве доминирующих [5. Р. 92—93]. Следовательно, факт включается в содержание нарратива по законам выбранного жанра. «Историческое знание — это всегда знание второго порядка, то есть оно основано на гипотетических конструкциях возможных объектов исследования, требующих толкования с помощью процессов воображения, имеющих больше общего с «литературой», чем с какой-либо наукой» [21. С. 12]. При этом Х. Уайт различает три типа стратегий, которые могут применяться историками для получения «эффекта объяснения». В рамках каждой стратегии есть четыре способа артикуляции, посредством которых историк может достигать разного рода «эффекта объяснения».

Первая стратегия — это объяснение посредством формального доказательства. «Такое доказательство дает объяснение того, что происходит в истории, привлекая принципы комбинации, которые предполагаются в качестве законов исторического объяснения. На этом уровне концептуализации историк объясняет события в истории ... конструируя номологически-дедуктивный аргумент» [21. С. 31]. Структурируя эту стратегию, он постулирует четыре типа исторических объяснений, являющихся дискурсивными доказательствами: Формизм, Органицизм, Механицизм и Контекстуализм. Формизм ориентирован на поиск уникальных характеристик объектов. Этот тип объяснения проводит различие объектов в выбранном поле исследования. Органицизм предполагает большую интегративность и редуцированность и имеет место там и тогда, когда историк пытается изобразить детали исторического поля как компоненты некоего

синтетического процесса. Механицизм рассматривает процессы, имеющие место в прошлом, как проявления некоей сверхисторической силы. Механицизм в большей степени сконцентрирован на поиске причинных объяснений, но ему свойственна излишняя абстрактность, так как концентрация на общем приводит к нивелированию деталей. Вся критика субстантивной философии истории направлена против Органицизма и Механицизма как объяснительных стратегий. «...Имевшая большое влияние «Нищета историцизма» Карла Поппера — всего лишь длительный обвинительный акт в адрес этих двух типов объяснения в исторической мысли», — считает Х. Уайт [21. С. 40]. Действительно, в работах К. Поппера «Нищета историцизма» и «Открытое общество и его враги» был дан обстоятельный критический анализ всех философско-исторических построений, в которых историческое развитие мыслится как реализация неких «заданных» мировых законов.

Контекстуализм «стремится к *относительной интеграции* феноменов, найденных в ограниченных областях исторического совершения. При этом Х. Уайт указывает на то, что здесь может быть использована операция «связывания». Сам термин «связывание» был введен У.Х. Уолшем [3]. С помощью данной операции устанавливаются нити, которые связывают данный институт или индивида с социокультурным настоящим.

Вторая стратегия — объяснение посредством построения сюжета. При использовании данной стратегии истории придается смысл на основании установления типа истории, которая рассказывается. Вслед за Нортропом Фраем [2] Х. Уайт выделяет четыре типа сюжетопостроения: Роман, Комедию, Трагедию и Сатиру. Сатира содержит в себе обман ожиданий того типа развязки, который предполагают истории, выполненные по другим типам. Роман представляет собой драму самоидентификации: герой выходит за пределы чувственного мира и, таким образом, преодолевает его. Роман содержит в себе идею триумфа добра над злом. Сатирический способ репрезентации «подготавливает сознание к отказу от всех утонченных концептуализаций мира и предвосхищает возврат мифического постижения мира и его процессов» [21. С. 30]. Комедия и трагедия, по мнению Х. Уайта, напротив, предполагают частичное спасение. «В Комедии надежда воспринимается как временный триумф человека над его миром посредством случайного примирения с силами, которые действуют в социальном и естественных мирах...» [21. С. 28]. В Трагедии «есть скорее намеки на состояния разделения между людьми, которые более ужасны, чем те, что были возбуждены трагическим агонем в начале драмы» [21. С. 28].

И, наконец, третья стратегия — объяснение посредством идеологического подтекста. Идеология в этом смысле — это набор определенных императивов, которые указывают человеку на то место, которое он занимает. Х. Уайт выделяет четыре основных идеологических позиции: Анархизм, Консерватизм, Радиализм и Либерализм. Данные стратегии являются когнитивно ответственными, так как претендуют на авторитет «разума», «науки» или «реализма», что заставляет их предпринимать усилия по осмыслению фактов и информации. Рассматривая проблему места идеологии в истории, Х. Уайт приходит к выводу о том,

что «не существует внеидеологических оснований, по которым можно было бы судить о конфликтующих концепциях исторического процесса и исторического знания, к которым апеллируют разные идеологии» [21. С. 46]. Таким образом, историографический стиль, по мнению Х. Уайта — это «конкретная комбинация этих типов» [21. С. 48]. Однако возникает вопрос: как происходит выбор конкретной стратегии повествования тем или иным историком? В связи с этим Х. Уайт постулирует наличие некоего глубинного уровня сознания. На этом уровне «историк совершает, по существу, *поэтический акт*, в котором он заранее представляет историческое поле и конституирует его как специфическую область, к которой он применяет отдельные теории, чтобы объяснить, что здесь *«действительно происходило»*» [21. С. 18].

Историк создает определенный языковой протокол, конструирует местность, которая «населяется» объектами определенного рода и вида. Префигуративный акт докогнитивен и некритичен, «он также является конститутивным элементом *понятий*, которые историк будет использовать, чтобы *распознать объекты*, которые населяют эту сферу, и *описать типы отношений*, которые они могут между собой поддерживать» [21. С. 51]. При этом существуют четыре типа префигурации: Метафора, Метонимия, Синекдоха и Ирония. Тропы обеспечивают характеристику объекта в различных видах непрямого дискурса. Тропы, по мнению Х. Уайта, «особенно полезны для понимания операций, которыми содержание опыта, сопротивляющееся описанию в ясных прозаических репрезентациях, может быть схвачено дофигуративно и подготовлено для сознательного постижения» [21. С. 52]. Префигурации в смысловом и функциональном отношении неравнозначны: «Ирония, Метонимия и Синекдоха — это типы Метафоры, но они отличаются друг от друга по типу *редукции* или *интеграции*, которые они обуславливают на буквальном уровне своего значения и по типу прояснений, для которых они предназначены на фигуративном уровне. Метафора по существу *репрезентативна*, Метонимия — *редукционистична*, Синекдоха — *интегративна*, Ирония — *негативна*» [21. С. 52].

Анализируя смену доминирующих тропов в работах историков XIX века, Х. Уайт пришел к выводу, что каждый из тропов может быть рассмотрен как фаза, или момент, в рамках традиции дискурса, эволюционировавшей от Метафорического толкования исторического мира, через толкование Метонимическое и Синекдохическое — к Ироническому постижению неустранимого релятивизма всего знания. В отношении проблемы исторической реальности Х. Уайт становится на позицию крайнего релятивизма: по его мнению, не существует никаких адекватных общих критериев реалистичности и истинности повествования. В последующих работах он попытался поставить свою тропологическую теорию на более фундаментальную основу. Теория тропов переводится на уровень онтогенетических категорий, которые отражаются в структуре языка. В данном отношении он идет на сознательное сближение своей теории с психоанализом. В сборнике статей «Тропы дискурса: статьи о культурном критицизме» [5] он несколько отходит от первоначального предположения о префигуративной функции тропологических механизмов. Так, он говорит о корреляции между структу-

рой исторического нарратива и совокупностью сообщений о событиях прошлого. Это является отступлением от первоначально принятого тезиса о том, что выбранная тропологическая стратегия организует сведения о событиях прошлого. В еще более позднем сборнике эссе «Содержание формы: нарративный дискурс и историческая репрезентация» [4] Х. Уайт идет по пути большей радикализации своей теории. Он в значительной степени становится на позиции постмодернизма и постструктурализма.

По мнению Ф.Р. Анкерсмита, Х. Уайт наконец-таки осуществил лингвистический поворот в историческом познании. Приоритет отдается не объяснению и описанию, а интерпретации. Однако, на наш взгляд, теория Х. Уайта создает еще один вариант субстантивной философии истории. Более того, Х. Уайт фактически создает еще один вариант трансцендентального идеализма. Его теория оказывается попросту не критикуемой, так как, говоря словами Ф.Р. Анкерсмита, «нарративный язык с точки зрения логики есть вещь, а вещи не вписываются в эпистемологические отношения» [6. С. 167]. Р. Шартье называет постмодернистскую нарративную программу развития исторического познания «вызовом», который способен подорвать сами устои исторической науки. Он вполне верно замечает, что нарративная философия истории ведет историческую науку к отказу от объективности, от стремления к достижению истины. По меткому замечанию Н. Кэрролла, нигде в работах нарративистов не предпринимается попытка дать четкую характеристику историческому письму. Факт наличия тропов в историческом нарративе мало о чем говорит, так как присутствие тропов характерно и для других дискурсов [1]. А.Я. Гуревич указывает на тот факт, что постмодернизм имеет достаточно узкую методологическую базу. Основу нарративной философии истории составляют постструктуралистские методы литературоведческого анализа, в то время как «творчество историков имеет целью воссоздание образа существовавшей некогда действительности» [10. С. 87]. А.Я. Гуревич воспроизводит достаточно распространенный аргумент против нарративизма: историк, в отличие от писателя, заинтересован в сообщении истины относительно прошлого, художником же движет желание создать свой художественный мир.

Вся критика нарративизмом стремления исторического познания к объективному воспроизведению исторической реальности строится на основе анализа только повествовательной истории. Дж. Тош отмечает, что историческое произведение не обязательно имеет повествовательную форму. Литературный стиль оказывается одним из инструментов убеждения, которые историком используются для сообщения знаний о прошлом. «История, по сути, является гибридной дисциплиной, сочетающей свойственные науке технические и аналитические процедуры с воображением и стилем, присущими литературе» [18. С. 149]. Интерпретация без прочной привязки к историческому контексту означает лишь насилие критика над текстом, «уважение к «историчности» источника — фундаментальный принцип научной работы; там, где оно нарушается, пути историка и деконструктивистов расходятся» [18. С. 179]. В целом критические нападки противников нарративной философии истории сконцентрированы вокруг наиболее слабых мест его концепции. К слабым сторонам тропологической теории относятся:

1) отрицание факта реальности прошлого; 2) откровенно скептическая позиция по вопросу познаваемости событий прошлого, которая ведет его к субъективно-идеалистической позиции и радикальному конструктивизму. В целом же тропологическая концепция исторического познания явилась еще одной формой редукционизма, так как тропология предполагает сведение опыта к тексту, реальности к языку, а истории — к литературе. Разумеется, нарративная философия истории имеет и некоторые позитивные следствия. Так, она способствует, во-первых, осознанию того факта, что язык историка не является абсолютно прозрачной средой, которая, подобно стеклу, передает изображение, лежащее за ним. Во-вторых, представители новой интеллектуальной истории, постоянно подчеркивая тот факт, что исторический текст, как и любой другой, несет в себе определенные латентные этические, идеологические, эстетические предпосылки, сделали своего рода «прививку» против использования истории в политических целях.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Carroll N.* Tropology and Narration // *History and Theory: Journal of the philosophy of history*. — Middletown, 2000. — Vol. 39. — N 4.
- [2] *Frye N.* *The Anatomy of Criticism: Four Essays*. — Princeton, 1957.
- [3] *Walsh W.H.* *Colligatory Concepts in History // Studies in Nature and Teaching of History* / Ed. By W.H. Burston and D. Tompson. — London, 1967.
- [4] *White H.* *Content of the Form: Narrative Discourse and Historical Representation*. — Baltimore, 1987.
- [5] *White H.* *Tropics of Discourse. Essays on Cultural Criticism* / H. White. — Baltimore, 1978.
- [6] *Анкерсмит Ф.Р.* История и тропология: взлет и падение метафоры / Пер. с англ. М. Кукарцева, Е. Коломоец, В. Кашаева. — М., 2003.
- [7] *Анкерсмит Ф.Р.* Нарративная логика. Семантический анализ языка историка / Пер. с англ. О. Гавришиной, А. Олейникова. Под науч. ред. Л.Б. Макеевой. — М.: Идея-Пресс, 2003.
- [8] *Барт Р.* Дискурс истории // Система моды. Статьи по семиотике культуры. — М., 2003.
- [9] *Глазерсфельд Э. фон.* Введение в радикальный конструктивизм // Цоколов С. Дискурс радикального конструктивизма: Традиции скептицизма в современной философии и теории познания (с переводами оригинальных работ П. Ватцлавика, Э. фон Глазерсфельда, Х. Фон Ферстера, У. Матураны, Ф. Варелы и Г.Рота) — München: PHREN, 2000.
- [10] *Гуревич А.Я.* «Территория историка» // *Одиссей. Человек в истории*. 1996. — М.: Coda, 1996.
- [11] *Данто А.* Аналитическая философия истории / Пер. с англ. А.Л. Никифорова, О.В. Гавришиной. — М.: Идея-Пресс, 2002.
- [12] *Кукуарцева М.А.* Лингвистический поворот в историописании: эволюция, сущность и основные принципы // *Вопросы философии*. — 2006. — № 4.
- [13] *Кукарцева М.А.* Современная философия истории США / Иван. гос. ун-т. — Иваново: Иван. гос. ун-т, 1998.
- [14] *Метлицкая З.Ю.* Историческая наука и «лингвистический поворот». «Возможна ли объективность в истории?» (Обзор рецензий) // *XX век: Методологические проблемы исторического познания: Сб. обзоров и рефератов: В 2 ч. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. отеч. и зарубеж. истории; Редкол.: А.Л. Ястребицкая (отв. ред.) и др. (Сер.: Социальные и гуманитарные науки в XX веке). Ч. 2.* — М., 2001.

- [15] *Поппер К.Р.* Нищета историцизма / Пер. с англ. — М.: Прогресс-ВИА, 1993.
- [16] *Поппер К.Р.* Объективное знание. Эволюционный подход / Пер. с англ. Отв. ред. В.Н. Садовский. — М.: Эдиториал УРСС, 2002.
- [17] *Поппер К.Р.* Открытое общество и его враги. В 2-х тт. / Пер. с англ. — М.: Культурная инициатива, 1992; *Рузанкина Е.А.* Выявление представлений о реальности в исторической науке в рамках философского анализа проблемы исторической истины // Гносеологический анализ представлений о реальности в науке. — Новосибирск: Изд-во НГУ, 2004.
- [18] *Тош Дж.* Стремление истине. Как овладеть мастерством историка / Пер. с англ. — М., 2000.
- [19] *Трубина Е.Г.* Нарратология: основы, проблемы, перспективы. Материалы к спецкурсу. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002.
- [20] *Трубина Е.Г.* Повествование и наука: от альтернативности к симбиозу // Альтернативные миры знания / Под ред. В.Н. Поруса и Е.Л. Чертковой. — СПб.: РХГИ, 2000.
- [21] *Уайт Х.* Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века / Пер. с англ. под ред. Е.Г. Трубиной и В.В. Харитонова. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002.
- [22] *Шартье Р.* История сегодня: сомнения, вызовы, предложения // Одиссей. Человек в истории. 1995. — М., 1995.

HAYDEN WHITE'S EPISTEMOLOGY OF HISTORY: TROPOLOGICAL APPROACH

V.V. Agafonov

Kamchatka State University, named after Vitus Bering
Pogranichnaya str., 4, Petropavlovsk-Kamchatsky, Russia, 683032

In this issue, the author made an attempt to analyze epistemological foundations of philosophy of historical narration. The author pays special attention to the tropological approach to the historical narration. Particular emphasis puts on White's rhetoric of history. The author was guided by critical analyze of White's conception which were presented in domestic and foreign science literature.